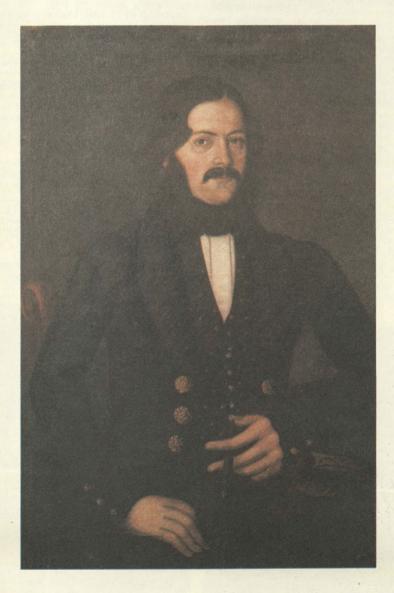
Валентин Курбатов

«Слышу умолкнувший звук...»

ЯРОСЛАВСКИЕ ПОРТРЕТЫ XVIII—XIX ВЕКОВ

«Как ни был поврежден и запымен портрет, но когда удалось ему счистить с лица пыль, он увидел следы работы высокого художника». Н. В. Гоголь. Портрет

Павел Колендас. Автопортрет. 1844. Переславль-Залесский. Историкохудожественный музей.

Открытие выставки «Ярославский портрет». С п р а в а и а л е в о: заместитель председателя Ярославского облисполкома С. Н. Овчинииков, директор ВНИИ реставратор С. С. Голушкин, академик Петрянов-Соколов И. В., реставратор С. В. Ямщиков. Выставки портрета всегда, кроме художественного любопытства, вызывают неясное человеческое волнение. Человеческое лицо вернее исторической живописи передает сущность миновавшего времени, ибо воображение исторического живописца в основе равно нашему воображению, и потому мы всегда с известным скептицизмом оглядываем разного рода «Взятия Казани», «Поединки Пересвета с Челубеем», «Призвание Минина» и т. д. В портрете же говорит правда, тем более занимающая нас, если перед нами лица одной небольшой области России.

Кто был в Ярославе на открытии выставки «Ярославские портреты XVIII—XIX веков», легко поймет меня. Сто сорок холстов и на каждом портрет, лица глядят со стен спокойно и уверенно, как смотрят в старых памятливых домах тускнеющие изображения бабушек и дедушек. Гостям выставки эта живая родственность заметна более, чем хозяевам, потому, что, выйдя на улицу или тут же в зале внимательнее вглядевшись в посетителей, легко заметить, как не торопится меняться человеческое лицо и как живо черты портретов отзываются в чертах потомков, остановившихся сегодня перед своим двухсотлетним зеркалом. И не будучи физиономистом, легко при сопоставлении портретов и зрителей разглядеть коренных ярославцев и приезжего человека. Как-то очень явственно понимаешь, что земля и житейские условия по-разному формируют лицо ярославца и вятича, смолянина и пермяка. Это ощущение побуждало острее всматриваться равно в портреты и в город, сохранивший их, — такая была в них живая общность и такая внятная историческая перспектива, так остро чувство длительности времени.

Но, конечно, не одни эти «генетические» мысли важны в таких выставках. Фамильный портрет лучше всего хранит психологию сословия и невольно проговаривается об эволюционных принципах общества. Проходя по залам, скоро видишь, как ритуальная улыбка XVIII века словно сходит на нет к началу XIX, а там, глядишь, перерождается в иронию к 40-м годам, и вино дедов скисает

у внуков в уксус.

Время словно старится на глазах, и самоуверенно беспечные улыбки барона П. П. Шафирова и княжны А. А. Волконской сменяются прикидывающе расчетливыми взглядами купцов Соболевых или Суриных. Еще понадаются неизвестные художники, но уже почти нет неизвестных моделей. Купец шел в мир обстоятельно и чтил холст как наглядную генеалогию, выписывая на обороте для детей, а чаще уже для внуков обстоятельный реестр рождений и венчаний, какой прежде делал только на последней странице Евангелия.

Устроители только последовательно размещали портреты, а время входило следом, и перекличка лиц отчетливо доносила голос истории ярославской провинции, эхом отзывавшийся всей русской истории.

Самое дорогое в таких выставках — широко представленные местные мастера. Здесь заметных имен четыре — Д. М. Коренев, Н. Д. Мыльников, И. В. Тарханов и

Неизвестный художник XVIII в. Портрет С. П. Соковнина. Рыбинский историкохудожественный музей. Реставратор И. Суворов.

Иван Тарханов. Портрет Е. Д. Суриной. 1829. Угличский историкохудожественный музей. Реставратор Н. Маренникова.

П. Колендас. Ни одно из них не открыто заново. Работы их по отдельности были известны и экспонировались, но когда группа реставраторов раскрыла все портреты их кисти, стало возможно говорить об индивидуальности каждого, о специфике почерка и о взаимоотношениях с миром и моделью.

Д. М. Коренев (1747 — ок. 1810) писал прекрасные репрезентативные портреты в рост масона А. П. Мельгунова и купца-благотворителя И. Я. Кучумова с драпировками, символикою и непременным Евангелием, раскрытым на похвальных страницах, и поясные портреты губернского «начальства» для парадного зала местного собрания — губернских и уездных предводителей дворянства и депутатов. В одинаковых мундирах, с одинаковыми улыбками, они могли бы множиться в памяти зрителя, но нет, — каждое лицо наособицу, словно мастер сумел расположить всех к себе и писал каждого с сердечной приязнью.

Н. Д. Мыльников (1797—1842) хоть и соседствовал, говорят, домами с Кореневым и мог в детстве брать у него уроки, но ушел в иную сторону, как ушло и время. От Коренева в нем, может быть, только интеллигентность почерка, а в обращении с моделью он другой. Кажется, он готов, не поступаясь своей правдой, немного и потрафить каждому: одному хочется быть романтическим героем, другому добродушным отцом семейства, третьему — много изведавшим иронистом. На

здоровье!

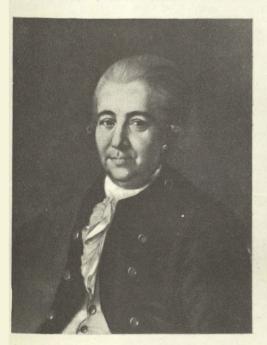
И. В. Тарханов (1780—1848) сам из Углича и писал представителей угличских сословий. Здоровый и простодушный, этот коллежский регистратор «регистрировал» своих героев просто и крепко. Психолог он был тоже хороший и знал, что крепким уездным хозяевам вертопрашество не по чину, ставил всех в три четверти и с тяжеловесной основательностью «переснимал», никому не льстя, потому что, слава богу, они устраивали себя такими, какими были.

П. Колендас (1820—?) оставил свой щегольский автопортрет: прекрасно сшитый сюртук с золотыми пуговицами, ухоженные усы, изящные руки, небрежный жест. На обороте надпись: «Павел Календас 1844-м году марта 17 дня с 24 лет от рождения. В таких летах я был мил и ндравом любезен, а для девушек полезен». «Любезность ндрава» видна особенно в его детских портретах - нежных, изысканных цветом, где переславль-залесские девочки и мальчики пленительно играли во взрослых и за ними, как в провинциальных фотоателье, цвели райские сады. Биография его неведома, но, видно, оборвалась она до времени, потому что последние его портреты помечены 1844 годом, а после этого времени в России уже трудно было оставаться «милым и ндравом любезным».

И конечно, как на всякой выставке, касающейся XVIII—XIX веков, первым числом остаются неизвестные художники—анонимное племя разнообразно одаренных мастеров, ушедших из истории искусств, не назвавшись, но оставив дорогие свидетельства о современниках. На ярославской выставке их шестьдесят. Может быть, со временем чьи-то имена и откроются. Счастливая судьба четырех названных позволяет на это надеяться.

На открытии выставки часто повторявшееся слово «праздник» было уместно и верно. Это первый опыт большой региональной выставки портрета. Заслуга главного и периферийных ярославских музеев тут неоценима. Необыкновенна важна и практическая координационная работа московского искусствоведа С. В. Ямщикова и руководителя группы реставраторов С. С. Голушкина.

Опыт этой выставки еще будет исследован, потому что она существенна для всей истории русского портрета, как и для социально-психологической истории России, в которой каждое искреннее слово на пользу и благо нашему будущему.

Дмитрий Коренев. Портрет С. И. Власьева. Конец XVIII в. Ярославский историко-архитектурный музейзаповедник.

Николай Мыльников. Портрет девочки. Ярославский историко-архитектурный музейзаповедник. Реставратор И. Суровов.